

ГОРОД КАК ВОЕННО-СЛУЖИЛАЯ И КАК СОСЛОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В XVII В.

I

Городовой строй поместного войска был для своего времени очень целесообразной формой организации военных сил Московского войска. Но длительные и тяжелые войны второй трети XVII в., когда дворянская поместная конница столкнулась с технически более совершенными войсками западных соседей, обнаружили все дефекты военной организации Московского государства. Сотенный строй конного русского войска воспитался вековой борьбой со «степью», он был пригоден для отражения неожиданных и коротких ударов татар, но он был несостоятелен в длительных и наступательных войнах с противниками, имевшими постоянные армии, по тем временам хорошо устроенные, когда приходилось бороться с государствами, а не с разбойничьими набегами далекого, отделенного обширными степями врага. Пережитый государством экономический и политический кризис, опустошивший земли и приведший к хозяйственному регрессу, последствия которого сказывались чуть ли не до конца столетия, подорвал земельный базис, поддерживавший всю военную систему, и заставил перейти к опытам переустройства армии на новых началах.

Не столько узкотехнические недостатки дворянской конницы — ее вооружения, отсутствие правильной выучки и строя — повели к замене ее полками иноземного строя, а дефекты более общие. Конечно, и обстоятельства только что указанные имели большое значение, но все-таки они несколько преувеличены; изучать эти стороны дела надлежит военным историкам. Но уже поверхностное сравнение вооружения дворянских сотен и рейтарских и иных названий полков не обнаруживает резкой между ними разницы. Ходячее представление о служилом человеке, вооруженном архаическим луком со стрелами, неприложимо к XVII в.; а если взять время войны с Польшей и Швецией 50—60-х годов, то подобные фигуры были единицами, если не иметь в виду инородческие отряды войска. С этими войсками можно было терпеть мгно-

венные поражения, поражения, следовавшие одно за другим, но можно было и одерживать блестящие победы над такими войсками, как шведские. Воспользуемся следующим примером. В начале июня 1657 г. стольник и воевода Матвей Шереметев с отрядом войска был направлен из Пскова для освобождения г. Анзеля, осажденного шведами. Всего в его отряде было несколько более 1500 человек при 4 пушках; более 56 % было дворян и детей боярских. Услышав о движении русских, шведы отошли от Анзеля к Валкам и Альесту. «Призвав к себе...^{*} ратных людей и поговоря с ними», воеводы «положили» идти по рижской дороге «наспех» без обоза, взяв с собой пехоту, так «ведомо» «учинилось, что немецкие люди небольшие стоят не за крепостями и не в обозе». Вышли в поход ночью (8—9 июня). В передовом отряде был воеводский товарищ Тимофей Щербатый с 8 дворянскими сотнями (400 человек), двумя ротами рейтар (около 250 человек) и приказных псковских стрельцов (200). Легко «выбили» немцев из Валок и «гоняли» их на 3 верстах, побив больше 100 человек. За Валками донские казаки выбили немецкую пехоту и конницу из деревни. Немцы выстроились за деревней. Тимофей Щербатый «учинил» с ними бой стрельбою, воздерживаясь «напускать» свои конные части до прибытия главных сил. Немцы стояли против них «в справе» и тоже воздерживались от атаки. Воевода Матвей Шереметев стоял за отрядом Щербатого. Но в этот момент, может быть при виде «в справе» стоявших немцев, настроение русских, именно дворянских сотен круто изменилось: «Матвеева полку» «сотенные люди» (т. е. дворяне и дети боярские), увидев немцев, не дав бою, многие из сотен побежали — «дуростью своею, а не от побою»¹. Пользуясь удобным моментом, немцы «учинили» короткий «напуск» на «передовые сотни» Т. Щербатого, сотни «подалися назад» и не получили поддержки от прочих войска². После неудачной попытки русских воевод произвести контратаку немцы произвели новый короткий натиск, заставивший русских еще отойти назад. Воеводы отошли в разные стороны, рассчитывая «впустить» немцев в середину и напасть на них с обеих сторон, но, очевидно, конные отряды уже не повиновались им, да и шведы вновь ударили на одну из половин — рейтар, которых еще несколько стиснули. После этого шведы ограничились стрельбой. Русские уже отступали отводом. «От великого ветру и от немецких людей, от напусков учинилась пыль большая, и от стрельбы»; в «свальном» бою воевода Матвей Шереметев был сбит с лошади и захвачен в плен. Уже с самого начала сотенные люди бежали в тыл сражения, когда же «молва» «почала быть», что воеводу Матвея Шереметева немецкие люди «взяли», бегство стало повальным. Тимофей Щербатый напрасно «говорил» сотенным головам и «плакал», чтобы «поворотница» и «скокочить» на немцев. Но в тот момент под лучшими знаменами оставалось не более десятка, а под иными никого не было. Немецкие люди «вме-

^{*} Цитата сокращена Новосельским.

¹ РГАДА (далее название архива опускается). Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. Стб. 340. Л. 191—194.

² Там же. Л. 244.

сте свалились» «ротами и пешими людьми»³, «сломили» русских и «справиться» им «не дали». Отступали беспорядочно, «смешивая, не строем, кто к кому ни пристал», «всяк о себе»; «розбились врознь по лесу и речку, перебивались в разных местах и сходились в обоз за Валковским полем, а иные вышли за обозом на Анзельскую дорогу»⁴. Под Валками на мосту стояла пушка, и очевидно, отряд стрельцов не приготовился к бою. Тимофей Щербатый «с лошади сходил» и «говорил» ратным людям, чтоб пушки не отдать и «об речке устоять», но конные люди «и с лошадей не слезли и ему говорили, что им стоять не с кем и ехать бы ему, князю Тимофею, прочь, чтоб немецкие люди, объехав иными дорогами, над ними ничево не учинили»⁵. Когда отступающие достигли обоза и пушек, охранявшихся также стрельцами под командой Ивана Волкова, князь Тимофей Щербатый сделал еще попытку остановить бегство, вновь сходил с лошади и убеждал «устоять» и «учинить бой»; по-прежнему конные люди, не сходя с лошадей, говорили, что надо отступать, чтоб немецкие люди их не обошли и чего над ними не учинили⁶. Стрельцы напрасно приготовились к сопротивлению и «для устойки обтыкались пиками»; ратные люди, «бегучи, у них пики поломали и их потоптали и сторонами многие гурьбами бежали»⁷. Отсюда отступление велось уже в большем порядке: в авангарде и арьергарде стрельцы, в середине остатки конницы. Немцы преследовали русских за Валками верст 15. В сражении было убито 108 человек, ранено и сбито с коней — 332 и взято в плен 5 человек дворян и детей боярских⁸. Присланный во Псков «для сыску» князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский мог установить и...*, что первыми побежали дворяне и дети боярские, но, «кто имянно» начал бегство, не доискался. В первоначальном указе предписывалось подвергнуть беглецов за их «дурость» чуть ли не смертной казни, но так как ко времени окончания сыска те же самые отряды войск успели одержать полную и блестящую победу над шведским генералом графом Магнусом под Гдовом, указ в исполнение приведен не был⁹.

2

Береговая служба «городов», по своему характеру наиболее способствовавшая их строю, продолжалась регулярно только до середины XVII в.

Уже в 1614 г., т. е. через год после создания нового правительства, полки были расставлены на берегу: в Туле — большой полк, Мценске — передовой, Новосили — сторожевой, в Переяславле-Рязанском — без наименования¹⁰.

³ Там же. Л. 245.

⁴ Там же. Л. 248—249.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 250.

⁸ Там же. Л. 252—253.

* Одно слово не разобрано.

⁹ Там же. Л. 242—259.

¹⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. Стб. 133.

В 1616—1617 гг. пункты расположения оставались прежними; лишь в Рязанской области были добавлены в 1617 г. полки в Михайловке и Пронске¹¹.

В 1618 г. «в королевичев приход» полки были поставлены в Калуге и Можайске¹².

С 1619 по 1637 г. полки размещаются иначе: Тула—Дедилов—Крапивна—Мценск; в Рязанском разряде расположение полков прежнее. В первой группе расположение полков более стянтое, чем раньше¹³.

В 1622 г. в ожидании прихода крымцев воеводы должны были «сходиться» в Серпухов, Алексин и Каширу, т. е. еще теснее и ближе к Москве¹⁴.

С 1636 г. полки рязанского разряда называются «прибыльными».

С 1638 по 1645 г. включительно расположение полков, по-видимому, в связи с возобновлением первой укрепленной черты несколько изменилось: Тула—Одоев—Крапивна—Венев—Рязань—Мценск¹⁵.

С 1646 г. до начала войны с Польшей расположение полков меняет свою устойчивость. В 1646 г. было предложено отнести полки далеко к югу на новую Белгородскую черту: в Белгороде—Осколе—Карпове—Яблоне. Но так как эти города «удалели», то проект не осуществился, и полки стояли в Ливнах—Курске—Ельце; кроме того, «по вестям» о нагайцах должны были быть полки в Алаторе и Тамбове¹⁶.

В 1647 г.— полки в тех же городах и «сходные» воеводы в Туле—Одоеве—Рязани¹⁷.

В 1648 г. впервые полки расставляются по Белгородской черте: в Яблоне—Белгороде—Цареве—Алексееве; сборными пунктами «сходных» воевод «по вестям» прежние: Тула—Венев—Крапивна—Одоев—Мценск¹⁸.

Начинает колебаться привычная терминология: в 1648 г., расписывая служилых людей в Яблонев—Белгород—Парев—Алексеев, разрядная книга говорит: «быть... по городам».

В 1650—1651 гг. служилые люди расписываются также «по городам», а не по полкам. «По вестям» о приходе крымцев служилые люди должны были собираться в Тулу—Венев—Крапивну—Ря-

¹¹ Там же. Стб. 266—267.

¹² Там же. Стб. 313.

¹³ Там же. 1619 г.— Стб. 388—389, 446; 1620 г.— Стб. 443—445; 1621 г.— Стб. 469; 1622 г.— Стб. 501—502; 1623 г.— Стб. 545—547; 1624 г.— Стб. 583—584; 1625 г.— Стб. 668—669; 1626 г.— Стб. 791—792; 1627 г.— Стб. 883—884; 1628 г.— Стб. 984; Там же. СПб., 1851. Т. II. 1629 г.— Стб. 47; 1630 г.— Стб. 123—124; 1631 г.— Стб. 195; 1632 г.— Стб. 268; 1633 г.— Стб. 322—323; 1634 г.— Стб. 386; 1635 г.— Стб. 451; 1636 г.— РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 10, 23; 1637 г.— Там же. С. 69—78.

¹⁴ Дворцовые разряды. Т. I. Стб. 518—519.

¹⁵ 1638 г.— РИБ. Т. X. С. 110—111; 1639 г.— С. 190—191; 1640 г.— С. 206; 1641 г.— С. 286; 1642 г.— 1643 г. Ф. 210. Разрядный приказ. Владимирский стол. Стб. 117. Л. 147; Дворцовые разряды СПб., 1882. Т. III. Стб. 3.

¹⁶ РИБ. Т. X. С. 326—328; Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 27—28, 29, 47, 52.

¹⁷ Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 58, 61; Т. X. С. 358, 371.

¹⁸ Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 91, 95—96.

заны, а сходиться из двадцати городов по черте в Белгород, а «по полкам не быть»¹⁹.

Перемена терминологии объясняется, может быть, тем, что название расположения служилых людей «полками» и «местами» по традиции присваивалось Туле—Одоеву и другим пунктам, близким к первой оборонительной черте; новое размещение служилых людей южнее и по Белгородской черте было размещением по городам. Впрочем, это не вполне достаточное объяснение.

Так в 1649 г. служилые люди были расписаны в Тулу — Одоев и т. е. «по городам», но такое название применено, вероятно, потому, что полков здесь в этом году в обычном смысле не было, так как в эти пункты были назначены лишь «меньшие» воеводы²⁰.

В 1652 г. в апреле был послан в Яблонов «для приходу Крымского царя» боярин и воевода князь Григорий Семенович Куракин и «по вестям» к нему «в сход» назначены служилые люди ряда городов. Но в мае дано новое распоряжение: воеводам быть «по местам»: Тула—Рязань—Одоев—Крапивна—Венев—Мценск; «по вестям» «сходиться» в Туле; полков расставлено не было²¹.

1653 г. был занят приготовлением к войне, происходил земский собор, производился смотр московских чинов в Москве и сбор [городовых] замосковных служилых людей. В Яблонове было сосредоточено некоторое количество иноземцев, казаков и черкас²².

В следующие затем годы происходит война.

Построение Белгородской черты делает ненужной расстановку полков в обычных пунктах далеко к северу от нее. Но попытки передвинуть их на Белгородскую черту оказались неудачными за дальностью расстояния: оказалось невозможным служилых людей замосковных городов, особенно северных (Вологда, Белозерск, Пошехонье, Галич и др.), посылать в Белгород, Яблонов, Царев-Борисов, как это видно из приведенных выше примеров. Кроме того, юг государства был уже настолько заселен, что для обороны его достаточно было приборных служилых людей южных городов, на которых и легла тяжесть охраны границ.

С началом войны с 1654 г. полковая служба по черте была поглощена активными военными операциями, далекими походами за пределы государства. Если по Белгородской черте и ставились заградительные корпуса, то это уже входило в общие планы военных действий.

Итак, с начала второй половины XVII в. регулярная полковая служба по укрепленным чертам прерывается, вместе с тем служилые города старого типа из дворян и детей боярских «по отечеству» центральных областей, не находя для себя применения, а полковая служба [была] главной сферой их деятельности, быстро теряют свое значение и становятся уже нецелесообразными ввиду совершенно новых военных задач.

Основным дефектом поместного войска, конечно, была система его продовольствования, точнее, обеспечения. Самоснабжение ставило дворян и детей боярских в зависимость от бесчисленного количества не поддающихся учету хозяйственных причин, в зависимость от деревни.

В 1642 г. дворяне московские и жильцы просили об отпуске их со службы в Туле, так как собранные ими там запасы «погорели»: «и мы, холопи твои», пишут они, «одолжали великими долги, и добывая у своей братии служилую рухлядь, и займуя, покупали свои запасы и конские кормы дорогою ценою»²³.

Падеж лошадей также был обычной причиной их челобитий об отпуске со службы и побегов.

В 1642 г. Семен Лихарев, назначенный на службу в полк в Тулу, бил челом об отсрочке; несколько лошадей, приготовленных им для службы в Москве, пали от «скудости» и «от бескормицы», «а достольные» клячи «в дальней деревенишке» на литовском рубеже в Ржеве Пустой, и те «дальние» «клячи» не могли вовремя поспеть в полк²⁴.

В 1643 г. брянчане и рославцы коллективно просили об отпуске их из Мценска; там был конский падеж «по вся годы»; они были отпущены²⁵. В том же году воевода князь Иван Хилков сообщал в Москву о падеже лошадей «с пострелу» в Крапивне и о том, что служилые люди «разных замосковных городов» «почели сбегать по домом»²⁶.

Состояние посевов отражалось на служебной годности дворян и детей боярских. В одном очень любопытном деле 40-х годов наглядно выступает эта зависимость. Рязанцы разных станов (Кашинского, Кобыльского, Пехлецкого и Заосетринского), находившиеся на службе в Веневе, просили о «льготе». Обычным местом их службы бывали Михайлов, Пронск и Переяславль-Рязанский. «И та нам твоя, государева, служба,— писали они,— была во льготу: меж смотров домишка свои навещивали за близостью... и хлеб пахали и твоей, государевой, службы не отбывали». Теперь уже пятый год они, малопоместные, пустопоместные и беспоместные, служат в Веневе «в ряду» с московскими дворянами «пожалованными», «и та дальняя служба» им «не в мочь», «коньми опали и хлеба не допахивают, службы отбыли». «А ныне, государь,— пишут они,— у нас на Рязани гневом Божьим яровой хлеб весь мароз побил, а толька у нас осталась рожь, и той, государь, попрятать без нас некому, потому что люди мы адинокия»; яровой хлеб не всходит «от сухмени», «весь пропал», и рожь «во многих местах выбил мороз», то, что есть, не сжато. Рязанцы получили отпуск²⁷.

²³ Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 87. Л. 116; Московский стол. Стб. 176 (1642 г.): Л. 534а; Стб. 115 (1626 г.): Л. 161.

²⁴ Там же. Московский стол. Стб. 176. Л. 532.

²⁵ Там же. Севский стол. Стб. 126. Л. 205—206а.

²⁶ Там же. Владимирский стол. Стб. 117. Л. 372—373.

²⁷ Там же. Стб. 107. Л. 2, 4, 6, 15.

¹⁹ Там же. Стб. 91, 163 и др.

²⁰ Там же. Стб. 120.

²¹ Там же. Стб. 305, 312.

²² Там же. Стб. 341—356.

Даже нормальные условия сельских работ связывали служилых людей, особенно если они сами пахали землю, что бывало очень часто.

В 1628 г. дворяне и дети боярские Деревской и Бежецкой пятин указывали, что одним из них приходится служить в Новгороде «в летнюю пашеную пору» с 27 апреля по 10 июля, другим «в сенокосное время и во ржаной сев» с 10 июля по Никиту Мученика*. Многие из них не имеют крестьян: «пашум сами своими руками», «живем в конечной бедности», потому что пятины разорены литовскими людьми и русскими воровскими казаками; они служат так уже три лета; поместья их от Новгорода в 200—400 верстах и больше. Между тем дети боярские Вотской и Шелонской пятин «живут» в Новгороде «в зимнюю пору», поместья у них «лутче и жилее, и к Новгороду ближе»²⁸. Грамота из Москвы предписала установить иной порядок чередования на службе.

Продовольствование становилось еще более трудным в далеких и длительных походах. К экстренным походам «по вестям» служилые люди были мало пригодны. В 1637 г. калужане, серпяне, мешане, алексинцы, служилые люди Ярославля-Малого, медынцы и воротынцы были вызваны в полки осенью «по вестям»; вскоре же они просили об отпуске, так они приехали на службу «с одними карманцами, без запасов» и не приготовив конских кормов²⁹.

В походе в течение войны с Польшей служилые люди оказывались в еще более беспомощном положении.

В 1660 г. служилые люди разных городов полка князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского подали коллективную челобитную, в которой красноречиво описывали свои нужды: пошли они на службу в Смоленск «в самую лютую и прискорбную пору в груду со вьючишками», «обнадежась» на государеву милость, что им обещано было выдать там «запасу» по три четверти человеку; но хлеба выдано не было; пришлось покупать хлеб и «всякой харч и конской корм дорогою ценою»; ухудшало положение падение ценности медных денег, торговые люди давали «за грош по алтыну».

В походы ходили против изменников черкас; Миткича и Лукомского «в нужную и в беспутную пору», «в грязь и в груду и в пролом беспрестанно»; от дождей и грязи «платьишко согнило, а с лютых морозов около огней и последним платьишком обожглися»; [от похода] и «от скорой погонки» «от больших снегов» и «от бескормицы» потеряли лошадей.

Жалованье было забрано раньше, так что многим не пришлось получать ничего; челобитчики указывали, что жалованье определено было и поместным и беспоместным «всем равно». Им обещаны были поместья из изменничьих маятностей Могилевского, Быховского и других уездов, но здесь все маятности «разорены и выжжены без остатку». Грамота, предписывавшая служилым людям

«весновать и летовать» на службе «и готовить запасы», поставила их в безвыходное положение. У многих из них поместья на Вологде, Белозерске, Нижнем Новгороде, Курмыше и в других «дальних городах»; запасов привезти некому и послати некого, и путь стал «последней». С их же поместий взяты даточные люди и «даточные деньги». Писали они крестьянишкам своим «об запасах и об оброчишках», и крестьяне ко многим из них запасов не привезли и в «в оброченках отказали», потому что оброками «даточных людей наимовали и за да [то] шныя люди деньги платили...»³⁰

В том же 1660 г. служилые люди низовых городов — казанцы, свияжане, курмышане и др., — находившиеся второй год на службе за Киевом, писали в своей челобитной, что в походах «по груду» и по снегам они «обезконели», многие, «питаясь травой, с голоду от пухоты померли, от бесхлебья, что купить не добудем и купить нечем», ныне они «до конца разорились и одолжали великими долгами, кляч своих и оружия, и платишка отбыли»; впредь пропитаться нечем, «взять негде и занять не у кого»; провезти запасов из дальних понизовых городов — путь слишком дальний, да и некому³¹.

В одной из отписок князя Ивана Андреевича Хованского 1661 г. (VIII, 11) чрезвычайно четко охарактеризовано состояние снабжения войска в походах: «А как мы стояли на Опочке, — пишет он, — и в то время ратным пешим людям (не дворянским и детям боярским) хлебные запасы из твоей казны даваны не в одну пору сухари и рожь и муку; а июля с 5 числа стали рожь жать, и тем полевым хлебом питаются ратные конные и пешие люди; скудости, самой большой нет; полковое дело нельзя на мере поставить, в иное время бывает всего много; а в иное время нужда бывает, — покамест хлеб на поле, питаются, хотя и с нуждою; только тем хлебом не прокормиться». Князь Иван Андреевич Хованский, принимая во внимание недостаточность хлебных запасов во Пскове и Опочке, также ограниченность транспорта, не считает в то же время возможным прокормить войско привозным хлебом: «И столько рати как прокормить привозными запасы!» — восклицает воевода. «Оприче того нельзя вымыслить, что, прося у Бога милости и надеясь на твою праведную молитву и счастье, поране над неприятелем промысл чинить, либо милость Божия учинится (мир?), тогда отступим в жилые места»³².

Так воевода в своих размышлениях не нашел выхода: «полковое нельзя на мере поставить» ни путем снабжения за счет занятых территорий, ни путем организации казенных продовольственных складов; приходилось подчинять ведение военных действий вопросу продовольствования войска.

Поместные войска на этой почве легко теряли всякую дисциплину, производя опустошение не только неприятельской страны, но и коренных русских уездов, через которые они проходили и в ко-

* [Т. е. 15 сентября ст. ст.]

²⁸ Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 12. Л. 70.

²⁹ Там же. Белгородский стол. Стб. 87. Л. 98—99.

³⁰ Там же. Московский стол. Стб. 310. Столпик VI. Л. 1—8.

³¹ АМГ. СПб., 1901. Т. III. № 272. С. 275.

³² Там же. № 472. С. 410—411.

торых стояли. Если местное население неприятельской страны способно было к сопротивлению, войско расходовало много сил, добывая пропитание. «А мы, братец, проелись и оголодали запасами», — писал в частной переписке на родину рязанский служилый человек Сидор Семенов сын Любавский в 1659 г.; «жерновишка (первая мука), кои у нас на Руси пометныя в два олтына или в гривну, а мы купи в три рубля и тех не добудешь», ржи и овса много, «только емлем все кровью, меняем [го]ловами людскими, безпрестанна рубят, в полон емлют»³³.

Хорошо известны постоянные жалобы служилых людей пограничных уездов на разорение их государевыми ратными людьми в такой же мере, как и крымцами. Нередко группы служилых людей, передвигавшихся в пределах государства на место службы, действовали, как в неприятельской стране. В 1632 г. брянчане во главе с Семиговыми и Белобразовыми, служилыми людьми лучших и сильнейших брянских родов, произвели погром в с. Мокром с деревнями (Серпейского уезда): «крестьян били и грабили, и всякими муками мучили, и животы все выграбили, и животинку — лошади, и коровы, и овцы — выгнали, и выграбя, те деревни выжгли»³⁴.

В 1677 г. 14 июля в Карачеве в Воскресенском монастыре «всполох били в колокол», так как «неведомо какие люди, человек сорок и больше», проезжая через Карачев, «чинили грабеж»: «холсты пограбили, и животину побили, и за многими людьми, за женки и за девки нагало с сабли гоняли, и на полях животину отганивали и на мельницах помольщиков грабили». Посланному за ними казачьему голове с отрядом «неведомые люди» «не дались»: «ис коробинов и ис пистолей по них стреляли, и наголо с сабли, и с обухи за голо[во]ю и за градскими людьми гоняли, и стрельцов перебили, одного саблею секли, а стрельца Ивашку Колесникова, бив, взяли к себе в табор и сковона ево в железах держали, всего ево, Ивашку, избили и изувечили»... В таборе было грабежной рухляди «возов с пять»: В дальнейшем оказалось, что эти «неведомые люди» были белоозерцы — служилые люди, шедшие на государеву службу в Путивль. Конец дела неизвестен; оно подлежало рассмотрению в полку³⁵.

В 1678 г. произвели погром лучане во главе с Иваном Пасынковым, Василием Бочковым, Петром Лопухиным в с. Чаянках (Комарицкой волости): «Жен и детей и дочерей девок били и саблями секли, и из ружья стреляли, и церковную утварь, и книги, и в домах платья, и деньги, и холсты, и котлы винные, и сковороды, и хлеб из клетей и из ям, платишко грабили, и бочки, и блюда, и ставцы, и лошки, и всякую посуду, и у изб окна, и двери, и лавки, и полы пересекли, и около дворов и огородов изгородь ругательно обожгли, и в огородах овощ порвали и в полях всякой хлеб лошадыми потолочили и потравили; и стөяли в том селе два дни, и

хлеб пекли, и сухари крошили из их хлеба». Расплачиваться за это пришлось «всему городу» лучанам: с них доправили 227 рублей, а «заводчиков» били батогами³⁶.

Естественно, что раз трудно было устранить факты, подобные описанным, и их можно привести множество, то воеводы и правительство были бессильны бороться с насилием и грабежом ратных людей в неприятельской стране, не помогали никакие угрозы смертной казни. И конечно, эти войска были несравненны, когда отдавали приказ предать огню и мечу завоеванную область, «выжечь» и «высечь» начисто. Впрочем, указанные явления объясняются также и особенностями конных войск городского строя, о чем будет сказано ниже.

Состоянием продовольствования войск определялась другая, более важная черта военных действий того времени: войска были непригодны к длительным походам, действия по необходимости приобретали сезонный характер.

Уже полковая служба была приспособлена к нуждам помещичьего войска. Служилый человек столько же был воином, сколько помещиком или земледельцем. Отсюда сложная система чередования служилых городов на полковой службе. Обычно замосковные города служили «погодно», одной половиной все лето, а другая половина каждого города служила на следующий год. Украинные города чередовались половинами с весны по 1 июля и с 1 июля до отпуска. «По вестям», т. е. при получении известий о приходе татар, должны были быть в готовности и явиться в полки и те половины служилых городов, которые оставались дома³⁷.

Рязанцы чередовались иначе, они служили тремя группами: 1) в Рязани и Ельце, 2) в Михайлове и Ельце, 3) в Пронске и Ельце; каждая группа служила «по третям», переменяясь через 2 месяца³⁸. В том же 1637 г., к которому относятся эти сведения, туляки делились на четверти. Брянцы служили в этом году с 1 июня по август и с августа по ноябрь³⁹. Этот порядок варьировался в частностях, но в основных чертах был давним.

Смирнов П. П. в своей работе о роли служилых дворян — челобитных XVII в. ставит разложение городов на половины в 1637 г. в связь с коллективным челобитием служилых людей этого года: служба была облегчена «почти вдвое», говорит он⁴⁰. Но так как подлинная челобитная неизвестна, то нелишне разъяснить этот факт на основании челобитной [от] «замосковные розные города» 1636 г., неизвестной П. Смирнову. «Велено нам, холопам твоим, — пишут они, — быть на твоей царской службе, на береговой, в передовом полку на Дедилове с воеводою с князь Иваном Петровичем

³⁶ Ф. 210. Приказной стол. Стб. 757. Л. 47, 86—88.

³⁷ РИБ. Т. X. С. 72, 73; Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 275. Л. 388.

³⁸ РИБ. Т. X. С. 77—78.

³⁹ Там же. С. 75.

⁴⁰ Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР, М., 1915. Кн. 3. С. 9—10.

³³ Материалы для истории рода рязанских Селивановых... Собрал А. В. Селиванов. Рязань, 1912. С. 62.

³⁴ Ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 42. Л. 324.

³⁵ Там же. Стб. 910. Л. 34—35.

Засекиным перед украинскими городами перед нашею братьею во все лето всем бес перемены. А до Смоленские, государь, службы по твоему государеву указу мы ж, замосковные города, были расписаны пополам по лету» От Смоленской службы и особенно (от осадного) сиденья стали «пеши и скудны, и многими долгами одождали», а поместья и вотчины «от нашее пехоты (безлошадья), и долгов, и от хлебного недороду, и от скотсково падежю, и от насильства сильных, и от Троицково монастыря и московских волокит стали скудны, и крестьянишка розбрелись»; денежным жалованьем не пожалованы. Украинские города «на службе живут по переменам пополам по полу лету, а иные, государь, города и по месяцам». Их поместья близки от места службы, у замосковских же служилых людей поместья самые близкие в 400 верстах, а есть в 600, 700 и 800 верстах; приходится ехать «вешним путем грязью» и «осенним путем грудюю». «А которые, государь, наша братья, и племянники, и дети наши служат тебе, государь, по московскому списку и изжитья и обычаев твоей царской службы не служат». Челобитчики просят расписать их «пополам по переменам по лету против украинских городов», московским чинам, их «братья», служить с ними «в ряд», отпускать со службы осенью «преж Покрова Пресвятыя Богородицы»*. Среди рукоприкладств, как удалось установить, преобладают муромцы и арзамасцы, есть несколько белян, дорогобужан и сюздальцев⁴¹.

Из этой челобитной ясно, что порядок чередования замосковских городов половинами «по лету», о чем били челом служилые люди, в 1637 г. был только возобновлен, а не создан внове. Это подтверждается и разными записями⁴².

Этот порядок был изменен лишь в ближайшие годы после Смоленской войны, когда замосковские города служили полностью каждый год без чередования; вероятно, что так было только в одном 1636 г, так как в 1635 г. в полках не было даже больших воевод, а были меньшие с меньшим количеством войск⁴³.

Большие войны второй половины XVII в. также представляют собой ряд операций, совершавшихся в летнее, вообще в теплое время; на зиму военные действия прерывались; основной причиной прерывистого характера военных операций был вопрос продовольственный. Отсюда затяжной характер войн: действия приходилось прерывать в самый нужный иногда момент, не нанеся решительного поражения противнику.

4

Служилый город был не только военной организацией основного элемента военных сил Московского государства, но был вместе с тем сословной организацией провинциального дворянства, пред-

* 1 октября ст. ст. или 14 октября н. ст.

⁴¹ Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 138. Л. 210—212.

⁴² Книги разрядные по официальным оных спискам... СПб., 1855. Т. II. Стб. 47, 127, 225—226.

⁴³ Там же. Стб. 833; РИБ. Т. X. С. 62. Указ о расписании по половинам дворян и детей боярских.

ставлявшей и [защищавшей] при отсутствии какой-либо иной местной организации дворянства его интересы.

Борьба служилых людей за свое социальное господство в государстве на протяжении всего XVII столетия осуществлялась главным образом посредством множества коллективных челобитий, обращенных к верховной власти, от имени отдельных служилых городов и групп городов. Выше приведен ряд примеров подобных выступлений служилых городов. Отметим сейчас только коллективные челобитья служилых городов, касающиеся отмены урочных лет для сыска крестьян и вообще сыска беглых крестьян и холопов. Из четырех крупных выступлений служилых городов по этим вопросам в первой половине XVII в. (1636, 1641, 1645 и 1648 гг.) первые три были произведены служилыми людьми, точнее, служилыми городами, собравшимися в полки на береговой службе или проездом в Москве⁴⁴; для нас важно, что вооруженные отряды служилых людей, отправляясь в поход, не забывали напомнить правительству о своих сословных интересах. Пусть эти...* выражались в холопских по форме челобитных: и в этих челобитных служилые люди очень резко и откровенно говорили о своих правах на труд тяглых людей, о необходимости отмены урочных лет для их сыска, о насилиях мочных людей, московской волоките, реорганизации суда и проч.

Эти выступления носили, как мы видели, характер мятежей и в представлении самих служилых людей являлись подобием «рокошей», посредством которых польское шляхетство добивалось от польских королей льгот и привилегий.

Ряд коллективных челобитий второй половины XVII в. по вопросу о сыске беглых можно приурочить также к моментам отправления служилых людей в походы: таковые челобитные 1657, 1676 и 1677 гг. (Чигиринский и Малороссийский походы) и 1682 г.⁶

Остановимся только на последнем примере.

Коллективные челобитные — их было 4 — от октября—декабря 1682 г. относятся ко времени съезда служилых людей под Москву во время стрелецкого мятежа. Первая челобитная, помеченная 23 октября, подана была еще у Троицы по возвращении правительства в Москву⁴⁵. Момент был выбран удачно: правительство находилось в очень трудном положении и потому поспешило ответить согласием на просьбы челобитчиков. В мотивировке своих челобитий служилые люди поднимались иногда до высоты принципиальных соображений.

Так в 1657 г. (?) служилые люди разных городов, обосновывая свое челобитье об организации сыска беглых и карательных мероприятий за прием беглых, писали: «ныне мы, холопы твои, беспре- станно изымая и летом на твоей государеве службе в дальних странах», «бити челом тебе, Великому государю, на Москве и у самих

⁴⁴ Смирнов П. П. Указ. соч.; Рождественский С. В. О Земском соборе 1642 года // Сборник статей, посвященных В. И. Ломанскому. СПб., 1907. Ч. 1. С. 101.

* Одно слово на латинском языке не разобрано.

⁴⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. М., 1870. Т. XIII. С. 363—366^в.

инов время нашего нету же, а посылати, государь, некого, и, надеясь на то, от нас люди и крестьяне при нас и без нас из домишков и с твоей государевы службы и достальные бегут...; «о том вели свой государев указ учинить», чтоб «впредные лета твой государев крепостной устав в сем деле во веки был неподвижен и никому б неподвижно было Божия даяния да вашего государского давнего и вечного жалованья силою и величеством, богатством и граблением, и всяким лукавством, и пронырством чужого имени восхищати и неправедными прибытки богатеть, и чтоб в твоей государеве державе вси люди божи и твои государевы,...* от великих и четырех чинов, — священный, и служивый, и торговый, и земледельный, — в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли и ни один ни от единого ничем же обидим был...»⁴⁶

Привычка непосредственного обращения к власти, привычка к вниманию, сословное самосознание, чувство чести не оставляли «служилые города» и в течение активных военных действий. «Города» были блюстителями старых традиций и чрезвычайно туго поддавались самым пустяжным нововведениям; как указано было выше, мельчайшие подробности сотенного строя с жаром обсуждались в полках, составлялись челобитные, происходила борьба различных слоев служилых людей и конкурирующих между собой групп; порядок расстраивался на долгое время; правительство вынуждено было выслушивать и считаться с этими «докучными» челобитными, хотя они сильно «кручинили» государя.

Власть была бессильна преодолеть сразу очень вредившие делу местнические споры и счеты; в этих спорах и счетах конкретно выражалось очень своеобразное и примитивное чувство чести, которым было проникнуто служилое сословие сверху донизу.

Между тем местничество придавало всему военному строю черты необычайно консервативной и косной организации. Хорошо известно и изучено местничество в верхах московского общества — боярства и служилых людей московских чинов.

Между тем то же чувство чести проникало [во] все служилое сословие почти до самых его низов. В литературе еще не были отмечены случаи местничества «городов» между собой. «Города» различались между собой по старшинству и чести, которым соответствовали различия в служебном положении, например более высокие и более низкие размеры «новичных» окладов, т. е. первых окладов, которыми верстались служилые люди при самом начале своей службы. От места в иерархии городов зависела очередь в смотрах, при раздаче жалования и самые его размеры; следовательно, чувство чести «города» переплеталось с самыми реальными интересами. Но едва ли этими последними исчерпывались мотивы междугородовых местничеств: сознание старшинства и заслуженности, как и для отдельных лиц, тоже играли свою роль.

И вполне естественно, что отстаивание городской чести брали на себя именно те слои служилых людей, которым сознание родovitости и старшинства было особенно свойственно: во всех подобных случаях блюстителями городской чести выступают дворяне выборные.

Первое место среди городов занимал Владимир. В 1647 г. (VI.15) была послана грамота на Ливны к воеводе князю Григорию Семеновичу Куракину об исправлении ошибки в списке служилых городов его полка, где владимирцы были названы ниже украинских городов, между тем Владимир даже среди замосковских городов — «первый город», как указывали челобитчики, и должно всегда «выкликать владимирцев первыми»⁴⁷.

В 1631 г. черниговцы посылали в Москву «первого человека» своего города Михаила Разсомахина с жалобой, что в списке, присланном из Москвы, их город стоит ниже Рыльска вопреки обычаю писать Чернигов выше⁴⁸.

В 1643 г. брянчане послали в Москву челобитчиков «для их городского дела», что воевода во Мценске «смотрел» их после Белева и Болхова, тогда как Брянск «всегда бывал честнее» этих городов. В челобитной брянчане приводили «случай» из времен царя Федора Ивановича. «Да и по тому, государь, — писали брянчане, — Брянск искони де перед теми городами отводная честь, как при царе...* Иване Васильевиче всеа Руси, были в тех городех устроены самопольники, а в Брянску самопольников не было». Справка о Разряде подтвердила показания челобитчиков. Но кроме того, для выяснения того, какой из названных городов «честнее», в Разряде произвели сравнение «отечеств» и старшинства виднейших служилых фамилий Брянска, Белева, Болхова и Карачева⁴⁹.

В 1644 г. (август) коломничи в челобитной «всем городам» писали: «В ныношнем, государь, во 152 году велено нам, холопом твоим, быть на твоей государевей службе в Переславле-Рязанском с стольником и воеводою со князем Семеном Романовичем Пожарским; а в списку, государь, мы, холопи твои, написаны после всех городов — Резани, и Мещеры, и бардаковских новокрещенов, и белоозерских козаков; и у смотров нас, холопей твоих, кличют после всех, и тем мы, холопи твои, опозорены; а преж, государь, сево по твоему, государеву, указу нас, холопей твоих, по списку у смотров кликивали прежде Рязани и всех городов, которые города бывают на твоей, государеве, службе в Рязанском полку»⁵⁰.

Следовательно, честью города определялось место его службы в том или другом полку: по Рязани служили не самые старшие из замосковских служилых городов, если коломничи стояли среди них первыми.

В 1655 г. тарушане, находившиеся в полку князя А. Н. Трубецкого, заявили претензии на то, что их «кличут» «после всех горо-

* Одно слово не разобрано.

⁴⁶ Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 310. Столпик 3. Л. 1—6. [Ссылка не точная. В челобитной служилых людей разных городов от года не ранее 1654 и не позднее 1660, идентичной по содержанию, приведенных фрагментов не содержится.]

⁴⁷ АМГ. СПб., 1894. Т. II. № 285. С. 178.

⁴⁸ Ф. 210. Разрядный приказ. Севский стол. Стб. 89. Л. 133, 137—139г.

* Цитата сокращена Новосельским.

⁴⁹ Там же. Стб. 126. Л. 77—84, 89—90л.

⁵⁰ Там же. Московский стол. [Стб. 1118. Л. 111].

дов», тогда как они привыкли следовать за Козельском в таком порядке: Тула, Кашира, Козельск, Таруса, а далее прочие украинные города⁵¹.

Очень выразительную челобитную подали в 1648 г. ряшане «всем городом». Обида, нанесенная им, заключалась в том, что им дано было жалование «в ряд с новыми городами» по 7 рублей, а не по 10. «А а тех новых городех, — писали ряшане, — верстаны люди и крестьяне наши, и стрелецкие, и казачьи, и пушкарские, и всяки неслужилых отцов дети». А «прадеды и деды наши многие сведены из твоих государевых из разных городов из дворян и детей боярских; а мы, холопы твои, от твоих многих государевых служб обедняли, стали пеши и одолжали великими долги, а твоим царским денежным жалованием до конца оскорблены перед разными перед старыми городами не по вине по своей и не за прослугу. А прежа, государь, сего блаженныя памяти при царе государе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси прадедом и дедом и отцам нашим верстания князя Ивана Васильевича Великого — Гагина была первая новичная статья со старыми разными городами всклад по 300 чети; и после, государь, того всем старым разным городам статьи прибавлены по 50 чети, а у нас, холопей твоих, и перед старыми убавлено 50 чети, а вины своей и прослуги не ведаем». В челобитной последовательно излагается вся история службы г. Ряжска, начиная с участия в Казанском походе царя Ивана Васильевича IV вплоть до последней верной службы во время разинского мятежа, конца «Козлов-город смутился», а ряшане «устояли в правде» и к их воровскому дурну ни к чему не приставали». Противопоставляя себя городам новым, ряшане были правы в том, что «новые города» несомненно были не только моложе, но и демократичнее по составу, а иные из них были вполне мужицкими, как Сокольск, Белоколодск, Добрый, Комарицкие драгуны и т. п.⁵²

Защищая городскую честь в указанных случаях, «лучшие» люди действительно защищали интересы всего города. Но гораздо чаще, говоря от имени «всего города», жалуясь на обиду и неудобства от тех или других правительственных или воеводских распоряжений, лучшие люди, в сущности, имели в виду только свои интересы, вовсе не совпадавшие с интересами всего города. Так было в описанном выше эпизоде при назначении знаменщиков из выборных дворян, так бывало во множестве случаев столкновений их с воеводами. Но таков был бытовой уклад сотенного строя, что раздоры в среде верхов города, недовольство «голов» сотни своим положением сводили на нет боевое значение всей сотни, сотня переставала быть послушной боевой единицей. «На заре» 9 августа 1619 г. «проезжая станица», высланная из Пронска, выследила татар и, преследуемая ими, «на солнешном восходе» вернулась в город. Воевода Степан Исленьев тотчас назначил «в посылку» сотню рязанцев Каменского стану, указав быть у него головой А. Левашева, «и список ему писанный дал»; сотня изготовилась к выступ-

лению, «вышел на поле, стояла многое время, дожидаясь головы». Воевода посылал за А. Левашевым «нарядчика»; А. Левашев не двинулся с места и остался на своем «подворье»; посланный вторично, нарядчик уже не застал А. Левашева, выехавшего «неведомо куда»; «видя то Афанасьеву непослушание и многие люди учили слушаться». Татары тем временем успели скрыться. А. Левашев объяснял все дело по-своему: Исленьев посылал его с сотней, «хотя его отечество истеснить, а татар в ту пору под городом не было и ходить было не за кем»; однако же сотня при допросе подтвердила факт неповиновения своего головы⁵³.

Воеводе вовсе не так просто было выйти из затруднения и найти заместителя строевому голове, а в этом был единственный выход, так как никакой дисциплинарной власти над ним, как и над всяким другим городским дворянином, воевода не имел; дело должно было восходить на решение Разряда и затягивалось надолго.

В 1622 г. в Брянске стоял во главе полка из служилых людей разных городов воевода князь Алексей Григорьевич Долгорукий. 17 августа воевода приказал брянчанам Василию Толбузину, Воину Бохтину и Ивану Безобразову быть с сотнями на заставе на смену караенцев. Назначенные в головы были «лучшими людьми» в Брянске; они отказались повиноваться и со «многими людьми» покинули город и отправились в Москву. В. Толбузин с «товарищи» опирались на многочисленное родство среди брянчан и вслед за ними «по их научению» и «иные брянчане разъехались по деревням». В Москве В. Толбузин с «товарищи» обвинил воеводу князя А. Долгорукого в нанесении им оскорблений, самоуправстве и насилиях⁵⁴.

«Другой год нас, холопей твоих», писали челобитчики, «при товарищей своих беспрестанна лает матерны, всякою неподобною лаею позорит, называет нас, холопей твоих, всех изменниками и неслужбами, и бьет по щекам, и, снем платья, бьет ботогами, и в тюрьму сажает не за твое государева дела и не за нашу страданию вину. И, увеча нас, холопей твоих, похваляеца: «Я де прислан на то, что вас бить и мучать»; и тако де Мирон Вельяминов Калугу разогнал, и ему де за то дают околичество»⁵⁵. А. Долгорукий со своей стороны обвинял брянчан в том, что они, пользуясь попустительством в городе большого числа служилых людей, нуждавшихся в продовольствии, спекулировали хлебом: «они в приход ратных людей хлеб вздорожили», что они завели сношения с литовскими людьми: позволяют им устраивать будные станы на своей земле, отпускают своих крестьян работать на будах, торгуют с меркой, принимают оттуда «изменников», т. е. русских, возвращающихся обратно. Словом, воевода утверждал, что В. Толбузин с «товарищи» «не залюбя» его за то, что он «выводил у них всякое дурно на рубеже»⁵⁶.

Не будем следить за всеми перипетиями этого дела.

⁵³ Там же. Столбцы Дополнительного отдела («безгласные»). № 10. Л. 1—27.

⁵⁴ Там же. Столбцы Приказного стола. № 10. Л. 300—304 и сл.

⁵⁵ Там же. Л. 291.

⁵⁶ Там же. Л. 297, 298.

⁵¹ Там же. Стб. 274. Л. 11.

⁵² Там же. Владимирский стол. Стб. 30. Л. 261—264.

Из Москвы распорядились о сыске по всем пунктам взаимных обвинений. Но там сумели отделить все эти вопросы от факта неповиновения брянчан воеводе, самовольного их отъезда в Москву, что представляет собой особенно тяжкое нарушение дисциплины в пограничном городе. При допросе выяснилось, что вслед за Василием Толбузиным отказались повиноваться ряд других лучших брянчан: Воин Бахтин, «прочетчи» наказную память, не взял ее, а Иван Безобразов сказал: «Коли Василий Толбузин не взял памяти, а он мимо Василья также не возьмет»⁵⁷. Воеводы стали посылать других голов из брянчан: Дмитрия Тургенева, Сафрона Тютчева, Андрея Зиновьева; все они ехать отказались, говоря, что они бывали уже в головах в посылке, а Василий Толбузин не был, «а они евова, Василья, не хуже». Кончилось тем, что вместо сотни брянчан были отправлены на заставу сотни других городов⁵⁸.

Сотня без «головы» теряла значение боевой единицы. Ссорились между собой головы — вся сотня ссорилась, бежали со службы головы — за ними тянулись толпой многочисленные сородичи и свойственники.

Военный строй отражал социальные и родовые связи внутри города. В 1654 г. из рыльского полка боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева бежали служилые люди разных городов. «Заводчиками» были белевцы Григорий Сомов, Никифор Зыбин «с товарищи». «А Никифор Зыбин, — доносил в отписке воевода, — был у сотни голова, а как побежал и знамя прислал к приказной избе сотни своей с лебедянцем сыном боярским с Офоньюю Красниковым, а только бы, государь, Григорей Сомов с товарищи не своровали, с твоей государевы службы не побежал — и беглецов бы было мало»⁵⁹.

Сотенный строй лишь слегка прикрывал царившие внутри неравенство и антагонизм между «лучшими» и «меньшими» служилыми людьми. Меньшая «братья» была отделена в команду лучшим, имущим, родовитым. Но недовольство, жалобы на неравенство служебной тяготы и на произвол и насилия правящих групп были постоянными. Правда, властное руководство сдерживало и подавляло недовольство большинства, но оно не усиливало его боевой годности. Беспоместные и малопоместные широко пользовались своей несостоятельностью как основанием и оправданием для уклонения от службы, побегов и неявок на службу; неравенство было настолько очевидно, что само правительство, разбираясь в случаях нетства и карая за него, выделяло в особую ненаказуемую группу «нетчиков за бедностью».

Сотня тем существенно отличалась от роты позднейших войск иноземного строя, что в ней любой сын боярский не мог быть равен другому; помимо индивидуальных различий при сравнении их боевой годности надо было принять во внимание количество земли, число дворов, состоящих за ними, положение крестьян на его землях, урожай или неурожай, падеж скота и проч.

Рассматривая как совокупность экономических единиц, сотня заключала в себе значительное количество мало- или вовсе непригодного к службе элемента. От него старались отделаться и воеводы. Выше уже указывалось, что «выбор» был желателен в полку; с дворян и детей боярских «лучших» и «средних» статей можно было требовать; беднота часто бывала только балластом.

В 1656 г. (VII.25) князем Никитой Ивановичем Одоевским указано было быть служилым людям из полков действовавших армий; находясь на посольском съезде, князь Одоевский сообщал в Москву, что «городовые дворяня и дети боярские, которые написаны в списках и которые объявились сверх списков, бесконны и безодежны, в лаптях, и многие везут тележенка сами, а иные бредут пеши; и на смотре нам, холопом твоим, сказали, выбраны де они люди бедные, а лучшие де, государь, люди тех городов оставлены в полках».

Воеводам приходилось оправдываться, что они служилых людей «выбором из выбирали, а послали, государь, сотнями»; если же «выбирать з головы лутчих людей восемь сотен», им на службе «быть не с кем». Но едва ли без основания князь Одоевский жаловался, что по вине полковых воевод он оказался окруженным на посольском съезде босой и оборванной толпой дворян и детей боярских городовых, и государева грамота упрекала воевод, что они «учинили негораздо», оставив в полках «выбрав лутчих» служилых людей⁶⁰.

Дворянская беднота не всегда ограничивалась одними жалобами на тяжесть службы «вряд с пожалованными» и вопросами, обращенными к правительству, «чем им на государеве службе сытым быть и впредь служить»⁶¹, а иногда просто отказывали в повиновении.

В 1655 г. служилые люди полка князя Семена Урусова, стоявшего в Подберезье, получили приказание везти рожь в Ковно в срочном порядке «и сентября, государь, в 16 день приходили к съезжему шатру бить челом государю» всех городов «дворяне и дети боярские» средние и меньшие статьи с «большим шумом и невежеством, чтоб им ржи в Ковну не посылать и самим нейти».

Ни наказание кнутом «заводчиков», ни стрельцы, ни заставы не удержали служилых людей в повиновении и многие из них разъехались по домам⁶².

Если отрешиться от этих внутренних антагонизмов и наблюдать за положением войск сотенного строя в целом в общем составе армий того времени в больших походах, можно видеть крупные дефекты их по сравнению с другими родами войск, их привилегированность и их обыкновение активно вмешиваться в действия воевод, обсуждать их и жаловаться на них правительству. Служилые «города» представляли собой наименее дисциплинированную часть войск, наиболее беспокойную и притязательную по настроению.

⁵⁷ Там же. Л.308.

⁵⁸ Там же. Л.309.

⁵⁹ Там же. Севский стол. Стб. 158. Л.267—268.

⁶⁰ Там же. Московский стол. Стб. 270. Л.815—816, 672—673, 620.

⁶¹ АМГ. Т.II. № 158, С.102.

⁶² Ф.210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стб. 164. Л.312.

В 1654 г. в первый год войны с Польшей на двинском фронте действовал воевода боярин Василий Петрович Шереметев [см. с. 117]. Его товарищ ясельничий Ждан Кондырев, недовольный его медлительностью, жаловался в Москву: под Невлем стояли без нужды три недели, задержались под Полоцком и «мешкали» идти под Витебск. Когда Кондырев заявил об этом В. П. Шереметев [у] лично на съезде двора в Полоцке при «многих людях», «учал» на него «кричать новгородец Иван Милюков с товарищи, чтоб под Витебск не итти: я ди ото всей рати бью челом, у нас ди запасы не готовы». И боярин промолчал, только «и молил», сообщает Кондырев: «видишь де, дворяне бьют челом». И далее препирательство воевод и брань их между собой происходила на глазах служилых людей; и тот и другой искали их поддержки и втягивали их в обсуждение вопросов, которые, казалось бы, надлежало решать им одним⁶³.

С мнением «городов» приходилось считаться, иначе с ними было трудно справиться и, пожалуй, сколько-нибудь удачно вести операции. Князь Иван Андреевич Хованский потому отчасти, как кажется, был мало счастлив в своих военных действиях против поляков, что был крут и непокладлив в отношении дворян и детей боярских, чем раздражал их и восстановил против себя до крайности. Все это долго накапливавшееся недовольство вылилось в коллективной челобитной 1665 г.

Его обвиняют в «дерзости», опрометчивости и неосторожности военных операций. Из этой челобитной видно, что служилые люди всякий раз били ему челом, высказывая свое мнение и подавая совет. Но боярин не слушал их челобитья. Этим служилые люди объяснили поражение под Ляховичами, Череей, в Кушкиновых горах и т. е. Каждое действие Хованского они осуждают как неблагоприятное, «дерзость». Его вина состояла в том, что он будто бы предпринимал походы, не разведав о неприятеле, выступал против него, не имея достаточно войск, не соображаясь с недостатком продовольствия в своем полку и его утомлением и проч. и проч.⁶⁴

Но если бы воевода слушал все обращенные к нему челобитья служилых людей, выходило, что никаких операций не следовало предпринимать и держаться совершенно пассивно.

Из оправдательной отписки Ивана Андреевича Хованского видно, что дело обстояло несколько иначе. Служилые люди били челом об отступлении, когда сопротивление было возможно, обоз был укреплен рвом и продовольствия было достаточно. И в тех случаях, когда он уступал их челобитьям, дело не шло лучше. Служилые люди потеряли всякую стойкость. «Дробны стали,— пишет Хованский,— за грех наш, не надежны»; «никто, государь, такого греха не видывал, что ныне вижу: лишь скажут про поляков, побегут все разно, нимало не остоятся»⁶⁵.

Утомление, упадок дисциплины были причиной того, что все старания Хованского удержать на фронте всех этих дворян и детей боярских новгородцев, торопчан, псковичей и прочих, вести их в походы не имели успеха.

⁶³ Там же. Севский стол. Стб. 157. Л. 239—240.

⁶⁴ Там же. Столбцы Приказного стола, № 469. Л. 49—53.

⁶⁵ АМГ. Т. III. № 220. Л. 208.